

Чувство хозяина в российской экономической системе конца 1920–начала 1950-х годов (по материалам воспоминаний участников производственных процессов)

К.О. Димони

Вологодский государственный университет,
г. Вологда

feodosypriest@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается важнейший индикатор изменения отношений собственности – ментальное представление о ней участников производственных процессов. Ключевое значение в этом сюжете имеет формирование чувства хозяина, которое возникает при фактической возможности владения и распоряжения производственным капиталом и продуктом труда и крепнет при отсутствии юридической ответственности за свои действия. В статье рассматриваются такие категории советского населения, как директора заводов, председатели колхозов, бригадиры и рабочие. На материалах воспоминаний, фольклорно-этнографических записей показана динамика формирования чувства хозяина, его основные черты.

Автор приходит к выводам о наиболее отчетливо сформированном чувстве хозяина у директоров государственных промышленных предприятий, что связано с назначением их на должности сверху и внедренным в практику управления принципом единоначалия. Более латентным выглядело хозяйское чувство у председателей колхозов, бывших выборными и опасавшихся осуждения рядовых колхозников. Определенный рост хозяйского чувства наблюдался у бригадиров, что было связано с управленческой функцией, и передовиков производства, являвшихся непосредственными производителями продукта.

Ключевые слова:

собственность, чувство хозяина, директор, председатель колхоза, Советская Россия

Формирование различных ментальных представлений сегодня довольно часто является объектом исследований историков. Гораздо реже, однако, изучается область экономических представлений, в том числе представлений о собственности и связанных с ней отношениях. В этом смысле научный интерес представляет формирование хозяйского чувства у субъектов экономической деятельности, особенно в период крупной трансформации экономической системы, когда массово ликвидировалась частная

A sense of ownership in the Russian economic system of the late 1920s–early 1950s (based on the memoirs of participants in production processes)

K.O. Dimoni

Vologda State University,
Vologda

feodosypriest@gmail.com

Abstract

The paper considers the most important indicator of changes in property relations – the mental vision of participants in production processes about it. The key importance in this plot is the formation of a sense of ownership, which arises when it is actually possible to own and dispose of production capital and the product of labor, and grows stronger in the absence of legal responsibility for their actions. The paper examines such categories of the Soviet population as factory directors, collective farm chairmen, foremen and workers. Based on the materials of memoirs, folklore and ethnographic records, the dynamics of the formation of the sense of ownership, its main features are shown.

As a result, the author comes to conclusions about the most clearly formed sense of ownership among the directors of state industrial enterprises, which is associated with their appointment to positions from above and the principle of unity of command introduced into management practice. The sense of ownership seemed more latent among the chairmen of collective farms, who were elected and feared the condemnation of ordinary collective farmers. A certain increase in the sense of ownership was observed among the foremen, which was associated with the managerial function, and the leaders of production, who were the direct producers of the product.

Keywords:

ownership, sense of ownership, director, chairman of the collective farm, Soviet Russia

собственность. Речь идет о периоде конца 1920-х–начала 1930-х гг. и последовавших за ними трендах нарастания роли государственной собственности или огосударствления кооперативной.

Имеющийся историографический обзор данной темы освобождает автора от обязанности давать полный очерк мнений историков по данному вопросу [1]. Следует, однако, отметить, что данная тематика довольно редко становится объектом исследования. Еще одним важным методо-

логическим моментом данной статьи является признание наличия коллективного собственника в Советской России периода сталинской экономической системы [2].

В представленной работе рассматривается формирование чувства хозяина у руководителей советских предприятий конца 1920-х–начала 1950-х гг. (промышленных и сельскохозяйственных), а также непосредственно подчиненных им менеджеров, руководящих работников (прежде всего бригадиров) и ударников производства, у которых также возникало выраженное чувство хозяина, главным образом в отношении результатов своего труда. Чувство хозяина предполагало желание действий в отношении экономических объектов, как своей собственности. Оно возникало исходя как из фактических, так и юридических оснований. Фактическое владение и распоряжение объектами собственности без юридического закрепления являлось рудиментом обычного права, имевшего в России сильные традиции, что осложняло открытое выражение хозяйского чувства, а следовательно, и исследование данных процессов.

Советская власть испытывала большие колебания по поводу направленности развития отношений собственности. В дореволюционной России были сформированы отношения частной и индивидуальной собственности, когда субъект выступал как фактический и юридический владелец земли, живого и мертвого капитала, иной частной собственности и имел выраженное хозяйское чувство. При поэтапной отмене после 1917 г. частной собственности в отношении наиболее крупных ее объектов и введении коллективной и государственной собственности, прежде всего, на средства производства, чувство хозяина в его классическом варианте постепенно отмирало.

Субъекты формирования чувства хозяина представляют собой спорный вопрос: в современном общественном сознании преобладает убеждение, что в советский период коллективная собственность воспринималась как бессубъектная, т.е. ничья (доказательством тому служит большой перечень присказок, например, «тащи с завода каждый гвоздь: ты здесь – хозяин, а не гость»), что, как показывает обстоятельное изучение темы, не вполне соответствует действительности. Согласно материалам воспоминаний, чувство хозяина по отношению к коллективной собственности в той или иной мере было присуще практически всем участникам производственной деятельности – как председателям колхозов и директорам заводов, так и рабочим и менеджерам. Данная статья рассматривает вопросы специфики формирования чувства хозяина у разных категорий участников производства и ментальные ограничения, испытываемые руководителями советских предприятий, препятствующие их оформлению в полноценных собственников.

Логика рассуждений позволяет предположить, что в наибольшей степени чувство хозяина в конце 1920-х–начале 1950-х гг. сохранялось у представителей кооперативной формы собственности, в частности – у колхозников. Этому способствовал паевой характер колхозного имущества, что давало представление о сопричастности к титульным правам собственника, особенно выраженное

у колхозной верхушки. В воспоминаниях Ильи Эренбурга одна из участниц Съезда советских писателей 1934 г., женщина – председатель колхоза из Московской области, поясняла свою позицию: «У меня самой муж. Я четвертый год – председателем колхоза. Вы знаете, ведь председателя колхоза можно приравнять к директору фабрики, а муж – рядовой колхозник. Но он терпения набрался. Ему дают наряд – изволь его выполнить. Если не так делаешь, то я на правлении скажу. Не справишься – трудодней не дам. Если еще не справишься – из колхоза выгоню. Покажу пример остальным мужчинам: скажут – расправилась с мужем, и нам не легче будет...» [3]. Из описания, приведенного И. Эренбургом, видно, что чувство хозяина в отношении колхоза у женщины–председателя присутствует, но выражается это завуалированно, через сравнение себя с директором завода и указание на возможность высокой распорядительской функции в решении трудовых судебных колхозников, яркой иллюстрацией чего стали действия в отношении мужа.

Чувство хозяина формируется у председателей колхозов скрытно, председатель не склонен называть себя «хозяином» и считать колхозное имущество «своим» напрямую. Собственность и колхозная работа в воспоминаниях обычно представляются общим делом, тенденции к формированию чувства хозяина в отношении себя прямо не показываются. П.И. Ажирков, председатель подмосковного передового колхоза «Борец», Герой Социалистического Труда, так писал о первых послевоенных годах: «Победа достигается трудом, опытом, дерзанием <...> Колхозное дело – это дело наше общее. И если мы сумели крепко поставить свое хозяйство, добились высокой доходности и хорошей обеспеченности, то надо помочь и тем, кто этого пока сделать не сумел» [4, с. 103]. Еще ярче проявляется латентное чувство хозяина в других описаниях – так, комментируя деятельность других председателей колхозов из разных частей страны, П.И. Ажирков практически всегда оперирует термином «хозяйствует» [4, с. 126]. Важно, что взгляд «со стороны» также без сомнений отмечает хозяйский статус председателя колхоза – уже в 1932 г. алтайский колхозник К.Ф. Измайлов записал в дневнике: «Он здесь работает в колхозе "Армия Ленина" в должности председателя (хозяин колхоза)» [5].

Открыто признавать себя хозяином колхоза председателям мешали обычная человеческая осторожность и советская этика. В оправдание своего стиля руководства они часто ссылались на волю коллектива. В частности тот же П.И. Ажирков писал: «Иногда я слышу замечания относительно того, что я слишком строг. Нет, это не строгость, это стремление к дисциплине и требовательность. Без дисциплины у нас не было бы того, что мы имеем сейчас – крепкого, богатого колхоза, зажиточной и культурной жизни колхозников. Обязан ли я быть требовательным? Да, обязан. На то я и выбран колхозниками» [4, с. 185].

Оправдывая хозяйские чувства в отношении колхоза, председатели часто описывают момент избрания на должность. Обстоятельства этих событий были, конечно, разными. Например, председателя колхоза «Верный путь», находящегося в Кирилловском районе Северного

края, в начале 1930-х гг. выбрали «заочно», он узнал об этом уже после события. Новоиспеченный председатель в рассказе об избрании этнографам, собиравшим деревенский фольклор, говорил, что с утра он работал в поле, где его и начали поздравлять с новой должностью. «А я им: – "Ну вас к лешему, какой я председатель, я ведь неграмотный человек". А они твердят мне одно – председатель и председатель. Я не верю – как это так? Вот смотрю в обед приходят ко мне из правления и зовут <...> Галдят: "Сядь ты, да и вот". Ну, я вижу, делать нечего. Согласился – против общества не пойдешь. Сейчас дело у меня идет хорошо, и, думаю, пойдет еще лучше» [6]. Уже здесь, несмотря на внешнюю скромность рассказчика, чувствуется, что колхоз отождествляется им с его управленческой деятельностью («дело у меня идет хорошо»).

Несмотря на более высокий статус, председателями колхоза сельские жители чаще всего становятся не стремились – особенно свойственно это для северных небольших колхозов. Вот характерное воспоминание сельского учителя из Ленинградской области В.С. Савельева от 1933 г. «Мою кандидатуру выставили в правление, куда и прошел, а потом при выборах председателя колхоза меня также хотели впересть туда. Но я запротестовал, выставил все мотивы против избрания меня в председатели, и только после большого обсуждения я был отклонен» [7, с. 241–282]. В чем же причина такого опасения? Вероятно, связано это с формальными и ментальными ограничениями распоряжения собственностью, а также начавшимся в 1930-х гг. ужесточением ответственности за растраты и неэффективную деятельность на местах. Колхозное правление, особенно в малых северных коллективах, побаивалось и своих односельчан, и ответственности сверху. Бывший редактор газеты и партийный работник А.В. Кириллов, находясь в красноярской ссылке, в 1935 г. сделал дневниковую запись, отмечавшую повсеместность данного явления: «Здесь новости: и в Тюльковке, и в Ерзовке сняли председателей колхозов. У обоих – растрата...» [8]. Растраты – довольно симптоматичный индикатор развивающихся собственнических отношений. Обычно связано оно было с присвоением части колхозной кассы, продуктов, горюче-смазочных или стройматериалов, что говорит о выраженности хозяйского потенциала в отношении имущества колхоза. Попастись на растрате председатели боялись ввиду уголовной ответственности и общественного осуждения. Сельский пролетариат, кстати, очень негативно воспринимал «превышение» хозяйских полномочий. В дневнике того же А.В. Кириллова отмечалось: «Здесь, да и в Тюльковке полный разброд. Руководителей никто не слушает. На днях в Тюльковке колхозница публично и громко послала председателя "туда" ... Надо бы все же с таким покончить... Председателя колхоза в Тюльковке бабы чуть не побили за то, что он "своей Салтычихе легкую работу дает"! А жена председателя при мне чуть ли не выпорола его за то, что он снялся на карточку рядом с какой-то колхозницей» [8].

Таким образом, председатели колхозов уже в начале 1930-х гг. сформировали хозяйское отношение к колхозному имуществу и отчасти рабочей силе, которое оставалось

во многом латентным: прямо признаться в своем желании быть «хозяином» они боялись. В то же время термин «хозяин колхоза» все больше входил в повседневный оборот, материалы газет, политическую практику.

Довольно высокую концентрацию чувства хозяина в колхозах демонстрируют, по материалам воспоминаний, ударники колхозных производств. Кирилловский конефермер (так в документе) в рассказе этнографам о себе в 1937 г. с гордостью называл конеферму и лошадей «своими»: «Помню – строили мы скотный двор. Нужно было сплотить по заданию 3 метра, а я по 6 метров сплывал. Район меня как лучшего ударника послал в Ленинград на совещание. Там мне часы подарили. Потом я стал работать конефермером и еще более стараться лучше оправдать звание ударника. Всего сейчас у меня на ферме 41 конь. Воспитывать их стараюсь как можно лучше. Знаю, что и стране, и армии нужны хорошие лошади, и хочу с честью выполнить порученное мне задание» [9]. Герой рассказа явно чувствует себя фактическим хозяином результатов своего труда, называет лошадей и конеферму «своими».

В ряде воспоминаний и иных архивных и фольклорных материалов бригадир, как менеджер, выступает в качестве статусной фигуры системы собственнических координат, над которым стоят только председатель колхоза и государство. К колхозному бригадиру прежде всего обращаются по поводу трудодней, просят о чем-либо для подсобного хозяйства. Довольно часто рассказы содержат описание того, как по блату, а то и через мелкую коррупцию («магарыч»), бригадир решает интересующий вопрос [10]. Председатель колхоза, в отличие от бригадира, с позиции «снизу», обычно был не столь досягаем для просьб рядового колхозника. Видимо, как человек, непосредственно руководящий работами в колхозе, чувствуя возможность распоряжаться трудом, бригадир начинает испытывать чувство хозяина. Отсюда и многочисленные характерные злоупотребления. Подтверждает эту тенденцию в своем дневнике в записи от 1934 г. писатель Михаил Пришвин: «Презрение к такому труду помимо неправильного понимания ученья привело к неправильному пониманию власти, даже какой-нибудь бригадир – это уже "начальник", значит, открытый или откровенный враг того, что называется трудом и работой» [11].

В воспоминаниях образ бригадира может сильно разниться в зависимости от времени: в мемуарах 1920-х–середины 1930-х гг. бригадир нередко предстает как малограмотный деспотичный самодур, обличенный неограниченной властью над работниками. И. Чистяков, охранник участка гулаговской железнодорожной стройки, писал о доведенной до абсурда власти бригадира: «Тут бригадир – атаман, пахан, мама. Мама заправляет всем и всеми, мама бьет, мама милует, мама не пускает на работу, мама кормит или заставляет голодать. Мама все» [12]. У участников производственных процессов складывается впечатление, что большое знание дела бригадиру не очень-то и нужно, главное – умение командовать сельским и городским пролетариатом, «гнуть свою линию». С 1935 г. начинается некоторый перелом в этом процессе. С появлением колхозников-ударников, не намеренных мириться с произ-

волом (и имеющих свое чувство хозяина, возникающее из чувства трудовой собственности), в колхозах складываются новые отношения. А.В. Кириллов в 1935 г. зафиксировал в дневниковых записях: «Даже некоторые лучшие ударники выходят из колхоза. Виноват якобы бригадир Томиловской бригады Татаев, который грубо обходится с колхозниками <...>. Говорят, работала она всю посевную, как вол. А бригадир крыл ее матом <...>. Однажды премировали ее пимами, а бригадир сказал: "Теперь уж тебя всюду погоним, раз пимы тебе дали"» [8]. В то же время от менеджерской должности бригадира, несмотря на притягательность, пытались отказаться в колхозах так же, как и от должности председателя колхоза, особенно в конце 1930-х гг. В рассказах этнографом зафиксирован, например, такой рассказ жителя Кирилловского района Северного края (1935): «Потом вдруг – заморозка у нас: председателя сняли – и сам он просил, и порекания на него были. Бригадир-то и поставили председателем. Ну, тут собрание ко мне – быть тебе бригадиром, поработал уже, ладно все. Я отказываюсь: не могу, не могу, помоложе меня есть. Все смеются – и опять ко мне безотвязно – никуда! Так и остался» (сохранена орфография источника) [13].

В конце 1940-х–1950-х гг. прослеживается смягчение политики в отношении рабочих, чувствуется «усталость» бригадиров от груза ответственности, из которой истекает фиксируемая источниками халатность, нежелание командовать. Бригадир в этом случае уже зачастую воспринимается, не как деспот, но как «нормальный мужик». Бригадир все так же может вести себя по-хозяйски, произвольно назначая трудовые, однако бригадиров все чаще меняют, даже штрафуют за самовольные смены рабочих на местах. По всей видимости, возможность бесконтрольного распоряжения собственностью и желание эксплуатировать пролетариат у бригадира постепенно пропадают. Связано это, прежде всего, с ростом полномочий собственника у руководителей производства, правосознания у колхозников и заводских рабочих, высокой частотой сменяемости бригадиров. Следовательно, у бригадира уменьшается оперативный простор в плане бесконтрольного распоряжения трудом подчиненных. А.А. Алаксанян в дневнике, повествующем о сибирской послевоенной ссылке, отметила в записи от 24 августа 1949 г.: «Явился бригадир, но мы сказали, что никто не пойдет на работу, пока не решится вопрос с квартирой» [14]. Эта позиция требовательности в отношении бригадира весьма показательна.

В целом, в источниках прослеживается, как к началу 1950-х гг. с ростом уровня образования населения, в результате усиления собственнических позиций руководителей предприятий менеджеры колхозов и заводов теряют возможность бесконтрольного распоряжения имуществом, утрачивают часть хозяйского чувства, изживается коррупция. В воспоминаниях председателя колхоза, опубликованных О.В. Горбачевым, отмечалось: «В сороковые годы и до 1956–1958 гг. руководители колхоза всех уровней были не ахти грамотные, часто 4–5 классов образования, редко 7. Дело доходило до того, что, если надо привезти дрова с леса или съездить на рынок, нужно было поставить брига-

диру бутылочку, а если получить какую справку в сельском совете – также позолотить ручку исполнителям. Все эти безобразия были ликвидированы с приходом нового руководства колхоза в 1958 г. Эти действия глубоко и положительно восприняты были всеми колхозниками, но недовольны были руководители сельсовета: отпадала их возможность порезвиться свободно за счет рядового колхозника» [15].

Наиболее выпукло чувство хозяина прослеживается в характеристиках деятельности директоров промышленных предприятий 1930-х–начала 1950-х гг., особенно тех, что были связаны с металлургией и металлообработкой. Связано это, прежде всего, с тем, что на государственных промышленных предприятиях с конца 1920-х гг. действовал принцип единоначалия. Назначенный государством директор предприятия зависимость от коллектива испытывал в разы меньшем, чем председатели колхозов, размере. В воспоминаниях о директоре Уралвагонзавода с 1949 по 1969 г. И.В. Окунева все эти моменты показаны очень ярко. Рассказчиками подчеркивается, что И.В. Окунев имел весьма характерные именно для хозяина, а не для администратора, привычки: идеальный порядок на рабочем столе, придерживался строгого расписания (с утра первым делом обходил все цеха завода, по расписанию проверял почту, отдавал распоряжения). Доклады от подчиненных принимал по установленной форме – не более минуты на пояснения, затем, обычно, проводил совещания и уезжал с работы в 17:30 вечера. Крайне любил чистоту на рабочем месте, заставлял рабочих красить помещения белой эмалью, тщательно очищать обувь. Однажды рабочие сорвали несколько яблок с деревьев, расположенных на территории завода, что было замечено вахтером. На следующий день на всех проходных были развешены приказы об их увольнении. Также не признавал И.В. Окунев распоряжений городских властей, организовывал самострой в направлениях, противоположных городскому плану застройки и т.д. [16]. Из указанного выше очевидно, что государственный завод Иван Васильевич Окунев воспринимал, как свою вотчину, над которой он имел полную власть, несмотря на то, что де-юре являлся лишь администратором-управленцем. Чувствуя себя полноценным хозяином, к своей «собственности» он относился трепетно: был склонен к чрезмерному порядку, перфекционизму, пунктуальности, авторитарности и сверхтребовательности к рабочим.

Другой яркий «хозяин» – глава военного танкограда, депутат Верховного Совета СССР И.М. Зальцман, отличался не просто укорененным «чувством хозяина» и желанием держать на предприятии идеальный порядок, выполнять план и карать рабочих, но умением быстро построить собственную империю влияния во второй половине 40-х гг. XX в. Запомнился современникам он, в частности, тем, что жаловался на сковывавшие его советские законы, а также проявлял жесткость, вызванную тем, что завод не выполняет спущенный сверху план. Запомнился Зальцман и тем, что продавал (самостоятельно и через начальников цехов) станки и детали, занимался также иными финансовыми махинациями, за что в итоге был привлечен к ответственности [17]. В периодической печати Исаак Зальцман пред-

стает, как человек с крайне деспотичными замашками и взрывным характером.

Мелочность и требовательность по отношению к подчиненным, перфекционизм, пунктуальность, склонность к присвоению и эксплуатации – являются одними из основных свойств советского руководителя государственного промышленного предприятия, продолжающих быть таковыми как в период индустриализации, так и в послевоенные годы.

В воспоминаниях о первых послевоенных годах директора завода «Красный Октябрь» Владимирской области Бориса Тимофеевича Лакути содержится показательный случай: «Как-то на завод пришли цыгане и попросили у меня упаковочного железа <...> я отказался отпускать цыганам этот лист. Однако, кто-то на заводе или вне его сказал им, что директор очень любит детей и его можно взять только этим. На следующий день на завод пришли трое цыганят. <...> Придя туда, они хором начали кричать: "Товарищ директор, пихай революция"! Я вынужден был спуститься к ним и подписать указание об отпуске упаковочного железа» [18]. В воспоминаниях Б.Т. Лакути описывает себя предельно аккуратным, пишет, что нужно быть требовательным, прежде всего, к себе и подчиненным, не путать свой карман с государственным. Но из любви к детям все же отдает «на сторону» железный лист, превышая свои полномочия, что говорит о внутреннем ощущении себя хозяином в своем праве.

Исходя из указанного выше, можно прийти к ряду выводов. Во-первых, чувство хозяина при формальной социалистической форме собственности на средства производства (кооперативной и государственной) формируется, исходя из следующих общих правил: хозяином чего-либо чувствует себя тот, кто вложил больше труда в создание продукта при условии его неотчуждения (трудовое обоснование собственности). Во-вторых, чувство хозяина обычно прямо пропорционально ответственности перед коллективом, и потому избранные коллективом председатели колхоза и бригадиры не спешили открыто признавать себя хозяевами, хотя и вели (а значит, и чувствовали) себя в ряде случаев, как таковые, и, по всей видимости, воспринимали себя хозяевами в отношении труда и производственного капитала. Директора заводов назначались сверху и поэтому не так боялись ответственности перед коллективом. Проявления хозяйского чувства на практике, выразившиеся в примате собственных волевых действий, были довольно частными. В целом можно сделать вывод, что наиболее рафинированно чувство хозяина в отношении реализации права собственности было выражено в СССР в 1920-х – 1950-х гг. у руководителей фабрик и заводов.

Литература и источники

1. Безнин, М.А. Обзор подходов к изучению модели власть-собственность в советской России сталинского периода / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2022. – № 3. – С. 49–60.
2. Безнин, М.А. Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930–1980-х гг. / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – № 4 (13). – С. 186–201.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). – Ф. 1204. – Оп. 2. – Д. 386–390, 392, 393. Записные книжки с дневниковыми записями и пр. (1918–1945 гг.).
4. Ажирков, П.И. Родной колхоз. Записки председателя колхоза / П.И. Ажирков. – Москва: Московский рабочий, 1954. – 216 с.
5. Измайлов, К.Ф. Дневник. Запись от 3 июня 1932 г. / К.Ф. Измайлов. – URL: [https://prozhito.org/note/317557]. (дата обращения: 20.04.2023).
6. РГАЛИ. – Ф. 1415. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 30. Сказки, сказы, песни, частушки, записанные в г. Кириллове, Вологодской области.
7. Савельев, В.С. Тяжкие дни оккупации / В.С. Савельев // За блокадным кольцом / сост. И.А. Иванова. – Санкт-Петербург: Вести, 2010. – С. 241–282.
8. Кириллов, А. В середине тридцатых: Дневники ссыльного редактора / А.В. Кириллов; публ. и послесл. Л. Кирилловой // Наш современник. – 1988. – № 11. – С. 109–142.
9. РГАЛИ. – Ф. 1415. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 57. Сказки, сказы, песни, частушки, записанные в г. Кириллове Северного края.
10. Голоса крестьян. Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / сост. и обраб. Е.М. Ковалев. – Москва: Моск. высш. шк. социал. и экон. наук, 1996. – 411 с.
11. Пришвин, М.М. Дневники 1905–1947 гг. (Публикации 1991–2013 гг.) / М.М. Пришвин. – URL: https://prozhito.org/note/97278. (дата обращения: 20.04.2023).
12. Чистяков, И. Сибирской дальней стороной. Дневник охранныка БАМа, 1935–1936 / И. Чистяков. – Москва: АСТ: CORPUS, 2014. – 288 с.
13. РГАЛИ. – Ф. 1415. – Оп. 1 – Д. 18. – Л. 60. Сказки, сказы, песни, частушки, записанные в г. Кириллове Вологодской области.
14. Алексанян, А.А. Сибирский дневник 1949–1954 гг. / А.А. Алексанян. – Ереван: Издательство «Гитутюн» НАН РА, 2007. – 408 с.
15. Горбачев, О.В. Воспоминания председателя колхоза / О.В. Горбачев // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 7. – Екатеринбург: Издательство Урал. унта, 2007. – С. 483–489.
16. Карцев, Л.Н. Воспоминания Главного конструктора танков / Л.Н. Карцев // Техника и вооружение. – 2008. – № 1–5, 8, 9, 11.
17. Сушков, Н.А. «Зальцману законы не писаны, у Зальцмана свои законы». Коррупция на Челябинском Кировском заводе во второй половине 1940-х годов / Н.А. Сушков, А.В. Михалев // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 22 (351). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaltsmanu-zakony-nepisany-u-zaltsmana-svoi-zakony-korrupsiya-na-chelyabinskom-kirovskom-zavode-vo-vtoroy-polovine-1940h-godov (дата обращения: 16.01.2023).

18. Лакути, Б.Т. Записки директора завода / Б.Т. Лакути. – Москва: ГУП Эксперим. тип., 2003. – 160 с.

References

1. Beznin, M.A. Obzor podhodov k izucheniyu modeli vlast`-sobstvennost` v sovetskoj Rossii stalinskogo perioda [Review of approaches to the study of the power-property model in Soviet Russia of the Stalinist period] / M.A. Beznin, T.M. Dimoni // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta [J. of Belarusian State Univ. History]. – 2022. – № 3. – P. 49–60.
2. Beznin, M.A. Kollektivnaya kapitalisticheskaya sobstvennost` v institucionalnom ustrojstve Rossii 1930–1980-x gg. [Collective capitalist property in the institutional structure of Russia in the 1930s–1980s] / M.A. Beznin, T.M. Dimoni // Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast] – 2020. – № 4 (13). – P. 186–201.
3. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva [The Russian State Archive of Literature and Art (hereinafter – RGALI)]. F. 1204. – Op. 2. – D. 386–390, 392–393. Zapisnye knizhki s dnevnikovymi zapisyami i pr. (1918–1945 gg.) [Notebooks with diary entries, etc. (1918–1945)].
4. Azhirkov, P.I. Rodnoj kolhoz. Zapiski predsedatelya kolhoza [Native collective farm. Notes of the chairman of the collective farm] / P.I. Azhirkov. – Moscow: Moskovskij rabochij [Moscow worker]. – 1954. – 216 p.
5. Izmailov, K.F. Dnevnik. Zapis` ot 3 iyunya 1932 g. [Diary. Entry of June 3, 1932] / K.F. Izmailov. <https://prozhito.org/note/317557>. (accessed: 20.04.2023).
6. RGALI. – F. 1415. – Op. 1. – D. 18. – L. 30. Skazki, skazy, pesni, chastushki, zapisannye v g. Kirillove, Vologodskoj oblasti [Fairy tales, songs, ditties recorded in Kirillov, Vologda region].
7. Savelyev, V.S. Tyazhkie dni okkupacii [The hard days of occupation] / V.S. Savelyev // Za blokadnym kolzom [Behind the blockade ring] / Comp. I.A. Ivanova. – St. Petersburg: Vesti, 2010. – P. 241–282.
8. Kirillov, A. V seredine tridzatyh: Dnevniky ssylno go redaktora [In the mid-thirties: Diaries of an exiled editor / A. Kirillov; Publ. and afterword by L. Kirillova // Nash sovremennik // Our contemporary]. – 1988. – № 11. – P. 109 – 142.
9. RGALI. F. 1415. – Op. 1. – D. 18. – L. 57. Skazki, skazy, pesni, chastushki, zapisannye v g. Kirillove Severnogo kraja [Fairy tales, songs, ditties recorded in the town of Kirillov of the Northern Territory].
10. Golosa krestyan. Selskaya Rossiya XX veka v krestyanskih memuarah [The voices of the peasants. Rural Russia of the XX century in peasant memoirs]. – Moscow: Moskovskaya vysshaya shkola socialnyh i ekonomicheskikh nauk [Moscow higher school of social. and economic sciences], 1996. – 411 p.
11. Prishvin, M.M. Dnevniky 1905–1947 gg. (Publikacii 1991–2013 gg.) [Diaries of 1905–1947 (Publications of 1991–2013)] / M.M. Prishvin. <https://prozhito.org/note/97278>. (accessed: 20.04.2023).
12. Chistyakov, I. Sibirskoj dal`nej storonoj. Dnevnik ohrannika BAMa, 1935–1936 [By the Siberian far side. Diary of a guard of the Baikal-Amur Mainline, 1935–1936] / I. Chistyakov. – Moscow: AST: CORPUS, 2014. – 288 p.
13. RGALI. – F. 1415. – Op. 1 – D. 18. – L. 60. Skazki, skazy, pesni, chastushki, zapisannye v g. Kirillove Vologodskoj oblasti [Fairy tales, songs, ditties recorded in Kirillov, Vologda region].
14. Aleksanyan, A.A. Sibirskij dnevnik 1949–1954 gg. [Siberian Diary 1949–1954] / A.A. Aleksanyan. – Erevan: Izdatelstvo "Gitutyun" NAN RA ["Gitutyun" Publ.], 2007. – 408 p.
15. Gorbachev, O.V. Vospominaniya predsedatelya kolhoza [Memoirs of the chairman of the collective farm] / O.V. Gorbachev // Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost [Document. Archive. History. Modernity]. – Issue 7. – Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta [Ural Univ. Publ.], 2007. – P. 483–489.
16. Kartsev, L.N. Vospominaniya Glavnogo konstruktora tankov [Memoirs of the Chief designer of tanks] / L.N. Kartsev // Tehnika i vooruzhenie [Equipment and armament]. – 2008. – № 1–5, 8, 9, 11.
17. Sushkov, N.A. «Zaltsmanu zakony ne pisany, u Zaltsmana svoi zakony». Korrupciya na Chelyabinskom Kirovskom zavode vo vtoroj polovine 1940-x godov ["Laws are not written for Zaltsman, Zaltsman has his own laws." Corruption at the Chelyabinsk Kirov Plant in the second half of the 1940s] / N.A. Sushkov, A.V. Mikhalev // Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Bull. of Chelyabinsk State Univ.]. – 2014. – № 22 (351). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaltsmanu-zakony-ne-pisany-u-zaltsmana-svoi-zakony-korrupciya-na-chelyabinskom-kirovskom-zavode-vo-vtoroy-polovine-1940-h-godov> (accessed: 16.01.2023).
18. Lakuti, B.T. Zapiski direktora zavoda [Notes of the plant director] / B.T. Lakuti – Moscow: Eksperimentalnaya tipografiya [Experimental Printing House], 2003. – 160 p.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 22-28-00325, <https://rscf.ru/project/22-28-00325/>.

Информация об авторе:

Димони Кирилл Олегович – преподаватель кафедры Отечественной истории Вологодского государственного университета (160001, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д.15; e-mail: feodosypriest@gmail.com).

Author:

Kirill O. Dimoni – Lecturer of the Department of National History of Vologda State University, (15, Lenin st., Vologda 160001, Russian Federation. e-mail: feodosypriest@gmail.com)

Для цитирования:

Димони, К.О. Чувство хозяина в российской экономической системе конца 1920– начала 1950-х годов (по материалам воспоминаний участников производственных процессов) / К.О. Димони // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 5 (63). – С. 145–151.

For citation:

Dimoni, K.O. A sense of ownership in the Russian economic system of the late 1920s - early 1950s (based on the memoirs of participants in production processes) / K.O. Dimoni // Proceedings of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 5 (63). – P. 145–151.

Дата поступления статьи: 29.03.2023

Прошла рецензирование: 21.04.2023

Принято решение о публикации: 16.06.2023

Received: 29.03.2023

Reviewed: 21.04.2023

Accepted: 16.06.2023